ОРК
283941

Цертелев Н.
Опыт общих
правил стихо-
творства.
Спб., 1820.

Inv. 8564.
35-38.

1/2 20

8509.

Э

Цертелев, Ник

ОПЫТЪ

ОБЩИХЪ ПРАВИЛЪ

СТИХОТВОРСТВА.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства

КНИГИ ИЗЪ СОБ.
П. К. СИМОНИ

Кодовая Библиотека
№ 283941
Книгохранилище
Куйбышевского

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1820 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 9 дня 1820 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тиликовской.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

АВГУСТѢЙШЕЙ

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦѢ НАУКЪ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Имена Августѣйшихъ Покровителей просвѣщенія, украшая труды знаменитѣйшихъ писателей, даютъ имъ новую цѣну; для сочинителей, неизвѣстныхъ свѣту, сіи священныя имена суть свѣтила, озаряющія ихъ во мракѣ неизвѣстности. — Удостойте, Всемилостивѣйшая Государыня! *благосклоннымъ воззрѣніемъ опытъ моихъ занятій; да подъ эгидою* Елисаветы *при-*

несетъ онъ толикуюжъ пользу
юнымъ любителямъ Поэзіи, сколь
драгоцѣнно для меня вниманіе
Монархини.

Всемилостивѣйшая Государыня

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Князь Николай Цертелевъ.

ОПЫТЪ

ОБЩИХЪ ПРАВИЛЪ

СТИХОТВОРСТВА.

Fungar vice cotis, acutum
Raeddere quae ferrum valet, exsors ipsa
secandi.
Hor.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Совершенное знаніе изящныхъ искуствъ и наукъ необходимо людямъ, посвящающимъ себя симъ предметамъ; но общее о нихъ понятіе должно входить въ образованіе каждаго благовоспитаннаго человѣка.

Книги изъ собр.
П. К. СИМОНИ

Не зная на отечественномъ языкѣ нашемъ книги, которая занималась бы разсмотрѣніемъ, отдѣльно, общихъ правилъ стихотворства, приличныхъ всѣмъ его родамъ, я рѣшился собрать разсѣянныя у многихъ сочинителей мысли о семъ предметѣ, привесть оныя въ порядокъ, нѣкоторыя статьи дополнить, другія изложить яснѣе и наконецъ, снабдивъ ихъ самыми необходимыми примѣрами, составить *Опытъ общихъ правилъ стихотворства*. Цѣль моя облегчить трудъ изучаю-

щихся сей наукѣ и доставить не занимавшимся ею, въ нѣсколькихъ листкахъ главныя и общія понятія о стихотворствѣ. Въ изложеніи замѣчаній сихъ старался я сохранить всю возможную краткость, твердо помня правило Горація:

Quidquid praecipies esto brevis;

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СТИХОТВОРСТВѢ ВООБЩЕ.

Стихотворство, — сей достойно называемый языкъ боговъ, сія, такъ сказать, живопись и музыка, слитыя въ словѣ, сіе искуство силою онаго, воспламеняя воображеніе и услаждая слухъ, повелѣвать нашею душею — *есть подражаніе* (*) *изящной природѣ* (**), *выраженное мѣрною рѣчью* (***).

(*) *Подражаніе* есть нѣкоторое подобо-расположеніе вещей или дѣйствій съ подлинникомъ.

(**) *Изящная природа* есть та, которая 1) въ своемъ родѣ сама по себѣ совершеннѣйшая и 2) имѣетъ къ намъ, какъ замѣчаетъ Баттe, наиболѣе отношеній.

(***) Опредѣленно мѣрная рѣчь есть та, которая приличнымъ и пропорціональнымъ смѣшеніемъ остроты и тяжести ударенiй, звуками словъ и наконецъ отдохновеніями пріятно льститъ

По сему-то *вымыслѣ*, состоящій въ благоразумномъ употребленіи всего, что представляетъ воображеніе и древнія басни; *востогѣ*, разливающій на всѣ предметы тотъ свѣтъ живости, который одушевляетъ ихъ, раждающій тѣ трогательныя черты, которыя врѣзываются въ наше сердце, и наконецъ *стопосложеніе*, составляющее музыкальность стиховъ, — суть необходимыя принадлежности хорошаго стихотворенія.

Страсти были источникомъ стихотворства: всѣ народы, даже дикіе, будучи живо тронуты какимъ либо предметомъ, изъявляютъ чувства свои пѣніемъ, музыкою и пляской. Кто же от-

---

слуху, и притомъ такъ, что оный, по опредѣленности гармоніи, услышавъ одинъ стихъ, можетъ уже отгадывать гармонію прочихъ съ нимъ однородныхъ.

вергнетъ, что сіи движенія сердца, сіи порывы восторженнаго духа не суть стихотворенія? Человѣкъ, находящійся въ страсти, видитъ предметы совсемъ ипаче, нежели въ спокойномъ состояніи духа:—воспламененное воображеніе, представляя ему самыя несбыточныя произшествія, умножая ужасы или удовольствія, поражаетъ оными его сердце; естьли онъ несчастливъ, все кажется ему мрачнымъ и ужаснымъ; естьли наслаждается благополучіемъ, все въ глазахъ его цвѣтетъ радостію; все улыбается; по сему-то, не можетъ онъ говорить языкомъ точнаго, холоднаго разума; раздѣляетъ скорби и радости свои со всемъ его окружающимъ, даже съ предметами неодушевленными; мысли его сильны, рѣзки, необыкновенны; выраженія кратки, живы, разительны; нѣкоторый родъ естественнаго побужденія научаетъ его употреблять мѣры и гармонію, для выраженія чувствъ сво-

ихъ съ большею силою и пріятностію; словомъ, языкъ его, есть языкъ поэзіи, исполненный вымысла, восторга и благозвучія.

Поэзія, какъ и всѣ науки, въ началѣ своемъ была весьма несовершенна. Когда люди жили еще, такъ сказать, въ полудикомъ состояніи, тогда поэзія ихъ заключалась въ простомъ, естественномъ изліяніи чувствъ; когда вышли изъ сей грубости и замѣтили, что слово ихъ, будучи расположено особеннымъ нѣкоимъ образомъ, пріятно льститъ слуху, тогда особенныя формы слова (меры) начали участвовать въ поэзіи; наконецъ, когда разцвѣли общества, явились науки, когда стихотворство обратило на себя вниманіе людей, отличныхъ дарованіями и свѣденіемъ; тогда стопосложеніе сдѣлалось необходимою принадлежностію Поэзіи, лучшимъ убранствомъ оной.

Тоническое стихосложеніе, основанное на удареніяхъ, было, кажется, первымъ шагомъ въ успѣхѣ піитическаго механизма; въ самомъ дѣлѣ, по простотѣ своей, оно ближе всѣхъ къ первымъ понятіямъ о гармоніи. Возвышая и протягивая, по произволенію звуки слоговъ, мы легко можемъ, уравнивая такимъ образомъ рѣчь нашу, обыкновенную прозу превращать въ нѣкоторой родъ стиховъ. — Стихосложеніе *Силабическое* занимаетъ вторую степень въ успѣхѣ механизма поэзіи; здѣсь наблюдается уже не число удареній, но число звуковъ или слоговъ, составляющихъ стихъ. Сей образъ стихосложенія преимущественнѣе перваго, но все еще далекъ отъ истиннаго понятія о гармоніи; наконецъ *Метрическое* стихосложеніе, основываное на времени потребномъ для произнесенія стиха, есть то, которое считается превосходнѣйшимъ.

Всѣ вещи отъ употребленія теряютъ цѣну; стихосложеніе сдѣлалось нынѣ маловажнымъ искуствомъ, каждый школьникъ знаетъ его правила; но прежде нежели составились Піитики, прежде нежели подведены подъ правила многоразличныя формы стиха, сколько должно было превозмочь запрудненій, сколько запутанностей объяснить надлежало. Системы и теоріи суть слѣдствіе продолжительныхъ опытовъ и наблюденій.

Поэзія со стихами прежде всѣхъ явилась у Евреевъ: Моисей, изумленный промысломъ Божіимъ, проведшимъ его аки по суху чрезъ море Чермное, первый принесъ благодареніе Творцу словомъ, какъ увѣряютъ, мѣрнымъ, гармоническимъ. Потомъ божественный пѣснопѣвецъ, Давыдъ, также различною мѣрою, сочинялъ свои псалмы или пѣсни. По свидѣтельству блаженнаго

Іеронима пѣсни Второзаконія и Ісаіи, притчи Соломона, книги Іова сложены шестистопными и пятистопными стихами. Греки имѣли стихосложеніе также въ самой древности; многіе оракулы давали отвѣты свои стихами (*); Омиръ и другіе безсмертные писатели ихъ, воспѣвали боговъ и героевъ стихами гармоническими.

Опъ Грековъ, — которые первые оставили намъ формы своей поэзіи — опъ Грековъ, до сего времени, мы имѣемъ множество мѣтровъ или родовъ стиха, которые болѣе или менѣе уважаются писателями. Опредѣлить, которой изъ сихъ *видовъ* превосходнѣе, весьма трудно и можетъ быть не возможно; каждый языкъ, имѣя собственную аналогію и геній, имѣетъ, или по

(*) По сему-то можетъ быть и Плиній приписываетъ Пиѳійскимъ Оракуламъ изобрѣтеніе Гекзаметра.

крайней мѣрѣ можетъ имѣть, и нѣкоторые метры или виды стиха, ему одному свойственные. Есть однакоже общія правила, основываясь на которыхъ можно судить о преимуществѣ одного стихосложенія предъ другимъ. Стихосложеніе составляетъ музыку поэзіи; оно тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе къ ней приближается. Разнообразіе и единство, составляющія сущность всѣхъ родовъ гармоніи, составляютъ также сущность и хорошаго стихосложенія; и по сему-то говорятъ, что стихъ, разсматриваемой въ отношеніи къ его механизму, есть опредѣленное пространство времени, раздѣленное на опредѣленное число частей, наполняемыхъ опредѣленными слогами или звуками, въ разнообразномъ, но всегда условномъ порядкѣ стоящими.

Находя слѣды поэзіи въ самой отдаленной древности, между народами про-

свѣщенными и грубыми, справедливо можемъ заключить, что оная, современна и единоначальна со словомъ (*); иначе сказать, первое выраженіе человѣка было піитическое, первой языкъ людей былъ языкъ стихотворный. По сему-то въ первыя времена не только всѣ роды стихотвореній, но даже всѣ роды словесности были смѣшаны. Исторія, краснорѣчіе и стихотворство сначала были одно и тоже; Θалесъ и Миносъ, по свидѣтельству Страбона, пѣли, съ лирою въ рукахъ, сочиненные ими законы.

Древнѣйшія стихотворенія находимъ мы у Евреевъ. Ветхій Завѣтъ заклю-

---

(*) Toutes les passions rapprochent les hommes, que la nécessité de chercher à vivre force à se fuir. Ce n'est ni la faim, ni la soif, mais l'amour, la haine, la pitié, la colère, qui leur ont arraché les premieres voix.

(Essai sur l'origine des langues, par I. I. Rousseau).

чаетъ въ себѣ много лирической и поучительной поэзіи. Удивительная простота, краткость и выразительность отличительныя свойства священныхъ пѣснопѣвцовъ. — Хотите ли видѣть непостижимое могущество Творца, разверните псалмы Давыда и вы увидите какъ *Дхнетъ духъ Господа и потекутъ воды, прикоснется горамъ и воздымятся.* Хотите ли горестію пронуть сердце другаго, прочтите ему изображенное Іереміемъ раззореніе Іерусалима. Хотите ли учиться мудрости, обратитесь къ Соломону, и онъ покажетъ вамъ въ истинныхъ и живыхъ картинахъ суетность предпріятій, ничтожество знаній вашихъ.

Послѣ Евреевъ превосходнѣйшіе образцы стихотворства представляютъ намъ Греки и ученики ихъ, Римляне; языческая, богатая вымыслами религія, Исторія, сливающаяся съ баснословіемъ,

правленіе и наконецъ мягкость и нѣжность языковъ Греческаго и Латинскаго, весьма много способствовали имъ къ усовершенствованію стихотворства. Гомеръ и Виргилій всегда останутся примѣрами изящнаго; Пиндаръ и Горацій никогда не престанутъ изумлять насъ быспрымъ пареніемъ, Сафо, Анакреонъ, Овидій очаровывать нѣжностію, Езопъ, Федръ и Ювеналъ плѣнять остротою.

Усовершенствованная Греками и Римлянами Поэзія, казалось, легко могла бы распространиться и у другихъ народовъ; но упадокъ величія Государствъ всегда влечетъ за собою гибель наукъ и художествъ. Рушилось многовѣчное зданіе Римской монархіи, и стихотворство погреблось подъ развалинами оной. Робкія Музы сокрылись въ Африкѣ и Азіи между Арабами и Персами. Только на сѣверѣ Европы, въ Англіи, слышны были

пѣсни сѣдыхъ Бардовъ. Напрасно нѣкоторые спарались призвать Музъ въ прежнее ихъ жилище; звукъ военной трубы, громъ оружій заглушалъ самые отголоски ихъ пѣсень. Въ X столѣтіи на горизонтѣ Европы снова раздались было сладкіе звуки поэзіи, но они были весьма кратковременны, и вообще начало новаго стихотворства можно положить нераньше XII столѣтія. Оно возродилось въ Италіи и въ тотъ же, такъ сказать, часъ разлилось по всей средней Европѣ. Въ XVI столѣтіи достигло нынѣшняго своего совершенства въ Италіи, Франціи и Англіи, въ началѣ XVIII въ Германіи, а въ концѣ онаго въ Россіи.

Всѣ народы болѣе или менѣе любили поэзію; всѣ они, особливо въ первыя времена, употребляли оную къ исправленію порокъ. Давно уже замѣчено, что люди тогда особенно быва-

ютъ расположенны къ добру, когда сердце ихъ растроганно какимъ нибудь изящнымъ предметомъ; — есть-ли хотите, говоритъ одинъ изъ Философовъ прошедшаго столѣтія, сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ, окружите его изящнымъ: — великіе поэты знаютъ сію истину и употребляютъ дарованія свои къ благородной, достойной ихъ цѣли, къ наставленію. Есть однакоже стихотворцы, полагающіе цѣлію поэзіи одно удовольствіе. Конечно, похвально доставлять людямъ пріятныя и вмѣстѣ невинныя занятія, услаждать по временамъ горести жизни, освѣтить улыбкой мрачное лице несчастнаго; но еще похвальнѣе оными занятіями исправлять насъ, возбудить состраданіе въ душѣ безпечнаго Сибарита, ужаснуть преступника, извлечь слезы раскаянія изъ глазъ его, возвѣщать истину, ободрять невинность, словомъ употреблять красоты поэзіи для того, чтобы

заставитъ насъ любить добродѣтель. Вотъ истинная цѣль стихотворства! Правда, поэтъ дѣйствуетъ на сердце и повелѣваетъ онымъ чрезъ возбужденіе страстей, однакоже онъ долженъ ограничить себя позволительными только страстями.

Люди пріобрѣтаютъ познанія двоякимъ образомъ: или собственнымъ опытомъ, или пользуясь наставленіями другихъ. Основываясь на семъ, стихотворцы излагаютъ также двоякимъ образомъ предметъ свой, то есть, въ повѣствованіи или представленіи; отъ сего происходитъ раздѣленіе стихотворства на два главные рода: *разговорное* (драматическое) и *повѣствовательное* (эпическое). Въ первомъ слышимъ мы непосредственно разговоры дѣйствующихъ лицъ, видимъ предметы и произшествія собственными глазами; во второмъ мы ничего непосредственно не видимъ и не

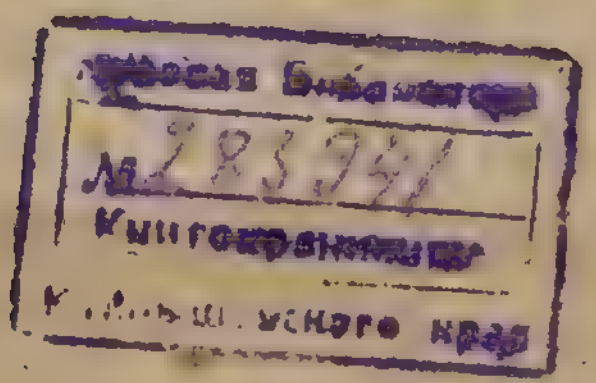
слышимъ, но обо всемъ разсказываетъ намъ сочинитель. Отъ соединенія сихъ двухъ родовъ происходитъ третій, называемый *смѣшаннымъ*, въ которомъ попеременно встрѣчаются представленія и повѣствованія. За симъ раздѣленіемъ, основаннымъ на способѣ, которымъ стихотворецъ изображаетъ предметы, слѣдуетъ другое, основанное на свойствѣ самыхъ предметовъ. Имѣя Царей, простыхъ гражданъ, пастуховъ и живописныхъ, имѣемъ мы оды, поэмы, комедіи, эклоги, басни и другія стихотворенія, коихъ правила, вмѣстѣ собранныя, называются *Наукою Стихотворства*, (Піитикою). Многіе утверждаютъ, что людямъ, рожденнымъ съ дарованіями стихотворца, наука сія безполезна; конечно, правила не могутъ дать *творческаго дара* (генія), но управляютъ имъ, показываютъ ему истинную дорогу, и возвращаютъ на оную, когда онъ отъ нее удаляется. Это два путника, пода-

ющіе другъ другу руку въ мѣстахъ не удобныхъ. Ни дарованія безъ правилъ, ни правила безъ дарованій ничего изящнаго произвесть не могутъ; соединяясь вмѣстѣ, онѣ образуютъ истиннаго Поэта. Такъ два ручья, — изъ которыхъ одинъ съ шумомъ рѣжетъ берега и уноситъ камни, другой тихо и плавно извивается въ долинѣ, — сливаясь вмѣстѣ, поражаютъ насъ своимъ величіемъ.

Natura fieret laudabile carmen, an arte,
Quaesitum est. Ego nec studium sine divite Vena,
Nec rude quid possit video ingenium: alterius sic
Altera poscit opem res, et conjurat amice.

Науку стихотворства раздѣляютъ на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ *общія правила* сего искуства; другая *частныя*, одному какому нибудь роду приличныя. — Общія правила стихотворства относятся или а) къ предмету сочиненія и тогда называются *стихотворствомъ предметовъ* (poesis re-

rum), или b) къ способу изображенія — которое состоитъ въ словѣ — и тогда называются *стихотворствомъ слова* (poesis sermonis).



ОТДѢЛЕНІЕ II.

О поэзіи вещей или предметовъ.

Прежде, нежели принимаемся за перо, избираемъ обыкновенно предметъ для своего сочиненія и мысленно означаемъ, такъ сказать, главнѣйшія красоты его. Сей выборъ предмета и приличныхъ ему украшеній есть то, что извѣстно, въ наукѣ стихотворства, подъ названіемъ *поэзіи вещей* (poesis rerum) и что составляетъ существенную часть превосходныхъ стихотворей. Языкъ измѣняется, старѣетъ; а слѣдовательно и *поэзія слова* (poesis sermonis) отъ времени теряетъ свои прелести, но поэзія вещей во всѣ времена имѣетъ свою цѣну; — на ней основана слава безсмертныхъ писателей.

Въ кабинетѣ своемъ всякой имѣетъ право сидѣть въ шлафоркѣ, но благо-

разуміе запрещаетъ являтся въ обществахъ въ спальномъ нарядѣ. Тоже можно сказать и о сочиненіяхъ: для своего удовольствія всякой волент писать что хочетъ; но принимаясь печатать, должно вспомнить о читателяхъ. Не все, что представляется взору, достойно картины, не всѣ мысли и чувства наши достойны того, чтобы сообщать ихъ другимъ.

It n'est point de serpent ni de monstre odieux
Qui par l'art imité ne puïsse plaire aux yeux —

повторяютъ нѣкоторые: — пишутъ, что взбредетъ на мысль и спѣшатъ въ типографію. Почтительно закрывая произведенія *свободныхъ поэтовъ*, смѣю думать, что Буало не имѣлъ намѣренія упомянутыми стихами разрѣшить имъ писать, а и того менѣе печатать всякой вздоръ; но хотѣлъ только сказать, что часто предметы ужасные, теряя въ описаніи, картинѣ или изваяніи, опасность соединяемую съ ними въ при-

родѣ, занимаютъ насъ совершенствомъ искуства; но жалокъ тотъ живописецъ, которой употребитъ кисть свою для изображенія навозной кучи или послѣднихъ мерзостей пьянства; никогда картина его не будетъ украшать жилища мудрости, никогда скромная красота не будетъ плѣняться въ ней прелестями искуства!

Истинный геній убѣгаетъ предметовъ недостойныхъ. Изображаетъ ли онъ существа одушевленныя или неодушевленныя, дѣйствія или страсти, всегда избираетъ такія изъ нихъ, которыя или плѣняютъ воображеніе, или трогаютъ сердце, или поражаютъ умъ.

Стихотворецъ, желающій сдѣлать произведенія свои занимательными, никогда—говоритъ Мармонтель—не оскорбитъ читателя непріятными изображеніями. Въ однихъ только восторгахъ

позволительно нѣсколько забыться; но въ другихъ случаяхъ, а всего болѣе въ описаніяхъ — которыя слегка только должны трогать — сочинитель обязанъ щадить нѣжность нашу и подражать Ахиллесу, которой, возвращая тѣло Гектора отцу его, покрылъ избитый трупъ героя.

Не должно однакоже заключать изъ сего, что одно *высокое* составляетъ предметъ стихотворства. Поэтъ можетъ привлечь вниманіе наше и плѣнить насъ вещами обыкновенными, естьли только умѣетъ сдѣлать изъ нихъ выборъ, поставить на своемъ мѣстѣ и живо изобразить оныя. — Прелестной *Мотылекъ* Капниста столько же можетъ нравиться, какъ и величественное *утро* Державина. Часто даже предметы простые и грубые трогаютъ насъ болѣе, нежели *прекрасные*. Развалившаяся хижина, на берегу дикаго озера, занимаетъ насъ

болѣе, нежели такая же хижина во всей чистотѣ и опрятности свой, стоящая на берегу искуственнаго пруда. Причиною сего то, что мысли о ничтожествѣ нашемъ, силѣ и свободѣ природы, соприкосновенныя первымъ предметамъ, раждаютъ чувствіа несравненно сильнѣе и живѣе производимыхъ мыслею о довольствіѣ и спокойствіи, соприкосновенной предметамъ послѣднимъ. Тоже разумѣется и о нравственныхъ изображеніяхъ: Платонъ, наставляющій учениковъ своихъ, Колумбъ, постигающій существованіе новаго міра, — поражаютъ насъ менѣе, нежели Цицеронъ, обвиняющій Каттилину, и Марфа Посадница, умирающая за свободу республики.

Вообще замѣчено, что природа, которая, такъ сказать, ничего не говоритъ душѣ или оскорбляетъ ее непріятными впечатлѣніями, несообразна съ

цѣлію стихотворства; напротивъ та, которая трогаетъ такъ, какъ мы любимъ, или какъ желаетъ Поэтъ, приличнѣйшая для изображенія. Словомъ, предметомъ стихотворства должна быть *изящная природа*. Изящное же есть все то, что встрѣчаясь съ душею нашей, совершенно занимаетъ ее собою. А посему изящная природа или, правильнѣе сказать, изящный предметъ есть тотъ, которой находясь между множествомъ однородныхъ съ нимъ предметовъ, при первомъ на нихъ взглядѣ, обращаетъ на себя вниманіе, и предпочтительно всѣмъ прочимъ можетъ быть изъятъ изъ своего круга.

Изящное оцѣнивается вкусомъ; слѣдовательно, подобно ему, бываетъ двоякое: *частное*, основанное на нравахъ и обычаяхъ одного какого нибудь народа, *общее* основанное на законахъ, намѣреніи и явленіяхъ природы. Сіе послѣднее состав-

ляетъ то, чему чрезъ тысячи лѣтъ удивляются въ Иліадѣ и Енеидѣ. Сіи-хотворецъ, желающій говорить съ потомствомъ, долженъ стараться основанія и причины красотъ изображаемыхъ предметовъ выводить изъ сего источника, приправляя, такъ сказать, изящное общее изящнымъ частнымъ; подобно опытному музыканту, которой въ концертѣ своемъ, между важными произведеніями музыки, играетъ иногда простыя народныя пѣсни, дабы всѣмъ безъ изъятія слушателямъ доставить удовольствіе. Сіе смѣшеніе изящнаго общаго съ изящнымъ частнымъ особенно необходимо въ драммати́ческихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ должно заставить зрителя забыть время и пространство, раздѣляющія его съ произшествіемъ, и — естьли можно такъ выразиться, слить чувства его съ чувствами дѣйствующихъ лицъ. По сему-то, когда изображаемой предметъ слишкомъ противорѣчитъ

настоящему времени, гораздо лучше излагать оной въ повѣствованіи нежели представленіи; ибо несообразности, совершающіяся предъ нашими глазами, оскорбляютъ болѣе, нежели тѣ, о которыхъ узнаемъ по слуху. Мы читаемъ о злодѣяніяхъ Перона но конечно не пожелаемъ видѣть ихъ на театрѣ. Впрочемъ сочинитель, кромѣ соблюденія нравственности, ничѣмъ не обязанъ вкусу времени.

Наконецъ стихотворецъ не долженъ быть слишкомъ подробенъ и не обременять насъ вещами, которыя легко отгадать, и бездѣлками, незаслуживающими вниманія; долгъ его указать предметы главные и убѣгающіе отъ обыкновенныхъ взоровъ, предоставляя остальное воображенію читателей. Къ чему, напримѣръ, говоря о картинной галлереѣ, исчислять по порядку всѣ картины, описывать рамы и красивые

гвоздики, на которыхъ висятъ опыя, водитъ читателя по лѣстницамъ и заставляетъ его зѣвать въ пустыхъ комнатахъ. Умѣренный дождь помогаетъ плодородію нивъ, излишній, исторгаетъ изъ нихъ посѣянныя зерна.

Весьма не много встрѣчается предметовъ и произшествій столь изящныхъ и богатыхъ, чтобы они при изложеніи своемъ непребовали никакихъ украшеній; сіе не рѣдко заставляетъ стихотворцевъ прибѣгать къ вымысламъ, единственному въ семъ случаѣ пособію. И такъ, всякой вымыслъ есть не иное что, какъ созданое силою мечтанія правдоподобное изящество, превосходнѣйшее дѣйствительнаго. Короче, онъ состоитъ въ благоразумномъ употребленіи всего, что представляютъ намъ воображеніе и древнія басни; въ благоразумномъ говорю, ибо все имѣетъ свои предѣлы, все нравится намъ до

тѣхъ поръ, пока сходно съ образомъ нашихъ мыслей и чувствованій. Огонь, пріятно грѣющій въ десяти шагахъ, сожигаетъ въ двухъ, и теряетъ дѣйствіе, когда удаляемся отъ него на двадцать. Въ природѣ все подчинено неизмѣннымъ законамъ, все имѣетъ свою сферу, внѣ которой бываетъ недѣйствительно.

. . . Pictoribus atque poëtis
Quidlibet audendi semper fuit aequa potestas (*)

воскликнутъ свободные поэты. *Scimus*, отвѣчаю словами Горація,

Scimus, et hanc veniam petimusque damusque vicissim:
Sed non ut placidis coëant immitia, non ut
Serpentes avibus geminentur, tigribus agni (**).

(*) Живописцы и поэты имѣютъ право отваживаться на необыкновенное.

(**) Знаю, такой свободы мы требуемъ и полагаемъ другихъ; но только съ тѣмъ, чтобы не смѣшивать совершенно противуположенныхъ предметовъ, не помѣщать птицъ вмѣстѣ со зміями или овецъ съ тиграми.

Вымышлять не есть свободно предаваться порывамъ воображенія, иногда пламеннымъ иногда мрачнымъ и всегда почти страннымъ „но смѣшивать, какъ говоритъ Мармонтель, различнымъ образомъ наши ощущенія, страсти, то что между нами, во кругъ насъ и въ насъ самыхъ происходитъ.“ Поэтъ не вымышляетъ частей, но цѣлое; онъ занимается выборомъ вещей, обстоятельствъ, ихъ связью, причинами и средствами, словомъ, изъ частей извѣстныхъ составляетъ цѣлое, новое, изящное вымышленное, иначе сказать, подражаетъ изящной природѣ. „Занимающій его предметъ — сказалъ одинъ изъ писателей нашихъ — служитъ ему только побужденіемъ разлиться воображеніемъ своимъ по всей вещественной и нравственной природѣ, по всѣмъ Историческимъ и баснословнымъ преданіямъ, дабы изъ всего того собрать что гдѣ есть лучше и плѣнительнѣе, а изъ

собранныхъ такимъ образомъ сокровищъ, выбравъ, что болѣе соотвѣтствуетъ его цѣли, и сообразивъ, помѣститъ въ своемъ предметѣ.“ Изъ сего видно, что вымыслъ приличенъ всѣмъ произведеніямъ словесности, съ тою только разницею, что одному больше, а другому меньше, одному одного, а другому другаго рода.

Три главныхъ вымысла можетъ быть въ сочиненіи: первый и важнѣйшій состоитъ въ изобрѣтеніи обстоятельствъ и связи ихъ. Онъ, кромѣ пылкаго воображенія и ума, вѣрно соразмѣряющаго причины дѣйствіямъ, требуетъ еще совершеннаго познанія человѣческаго сердца. Отъ него зависитъ интересъ сочиненія, ведущій читателя отъ начала до конца книги, и такъ называемые узлы, возбуждающіе его вниманіе. Сей родъ вымысла, извѣстный подъ именемъ изобрѣтенія, особенно необходимъ въ эпиче-

ских и драматических произведеніяхъ; безъ него сочиненія при всѣхъ прочихъ достоинствахъ дѣлаются вялы и утомительны.

Другой родъ вымысла состоитъ въ изображеніи вещественнаго изящества, то есть, всего, что подлежитъ чувствамъ. Онъ составляетъ предметъ описаній, требуетъ пылкаго воображенія и тонкаго замѣчанія нѣкоторыхъ особенностей въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ природы. — Сей родъ вымысла необходимъ въ дидактическихъ сочиненіяхъ, приличенъ вообще эпическимъ и лирическимъ, но неупотребителенъ въ драммати́ческихъ, по крайней мѣрѣ драммати́ческіе писатели употребляютъ его весьма рѣдко и при томъ съ большою осторожностію.

Наконецъ третій родъ вымысла состоитъ въ томъ, что извѣстно подъ

названіемъ фигуръ, олицетворенія и замословія. Сей родъ вымысла производитъ особенную силу и живость въ слогѣ, и приличенъ почти всѣмъ родамъ стихотворства; ибо всегда позволено было приписывать чувства, голосъ и дѣйствія предметамъ неодушевленнымъ.

Естьли вымыслъ заключаетъ въ себѣ что нибудь способное изумить и поразить насъ, или своимъ величіемъ, или необычайными причинами, его произведшими, тогда онъ принимаетъ названіе чудеснаго, какъ на пр. потопъ, разрушеніе Лисабона, Венера, удерживающая руку Енея, готоваго поразить Елену, и тому подобное. Словомъ все, что поражаетъ или восхищаетъ насъ, называется чуднымъ. Сего рода чудесное употребляется во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ что либо важное; чудесное же въ малыхъ вещахъ доспалось въ удѣлъ волшебнымъ сказкамъ

и шуточнымъ поэмамъ.— Стихотворецъ можетъ также дать характеръ чудеснаго вещамъ самымъ обыкновеннымъ: затмѣніе солнца не есть явленіе чудесное; но естьли Поэтъ, описывая смерть героя, употребитъ сіе, какъ предвозвѣстіе неба, онъ дастъ явленію сему характеръ чудеснаго. Въ семъ случаѣ много участвуетъ также природная склонность наша къ чудесамъ; мы столько любимъ ихъ, что сами помогаемъ стихотворцу обманывать насъ, не стараясь изслѣдовать причины дѣйствій и явленій.

Чудесное бываетъ двухъ родовъ: *естественное* и *сверхъ-естественное*:

Чудесное *естественное* есть все то, что представляетъ намъ природа необыкновеннаго и ужаснаго въ вещественномъ и нравственномъ мірѣ. Въ первомъ составляютъ его совершенства тѣлесныхъ формъ и силы, на пр. Юпитеръ

Фидіаса, Праксителева Венера, поглощеніе Помпеи и Геркулана, потопъ и пому подобное. Во второмъ, то есть, въ нравственномъ мірѣ, чудесное состоитъ въ стеченіи неожиданныхъ и противныхъ обыкновенному порядку обстоятельствъ. Какъ на пр. Едипъ, убившій отца и женившійся на матери; Меропа, узнавшая въ человѣкѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ ея сына, сего же самаго сына, и проч.

Чудесное *вещественное* тѣмъ болѣе нравится, чемъ краски изображенія бываютъ вѣрнѣе и свѣжѣе, — чудесное же *нравственное* тѣмъ лучше, чѣмъ обстоятельства или случаи проспѣе и естественнѣе; ибо излишество ихъ запутываетъ произшествіе и дѣлаетъ чудесное невѣроятнымъ.

Чудесное *сверхъ-естественное* состоитъ въ томъ, когда сочинитель пред-

ставляетъ участниками дѣйствія высшія силы, то есть, заставляетъ ихъ располагать и управлять произшествіями, которыхъ не могли бы произвесть смертные. У древнихъ и новыхъ писателей находится множество сему примѣровъ.

Высшія силы или божества употребляются спихотворцами двоякимъ образомъ, или какъ существа дѣйствующія, или какъ Аллегоріи. Одне заключаютъ въ себѣ религію народовъ, а потому и не могутъ быть общеупотребительны; другія суть покрывало истины, одушевленныя страсти, добродѣтели, пороки, отвлеченныя понятія. Они не принадлежатъ ни къ одной системѣ и употребляются въ Эпическихъ, часто Лирическихъ, но никогда въ Драммматическихъ сочиненіяхъ, исключая пролога и оперы. Ихъ обыкновенно употребляютъ мимоходомъ, а не какъ существо или

страсть господствующую. — Достоинство ихъ, какъ Аллегорій, состоитъ въ замысловатости, ясности и приличіи; ибо цѣль ихъ оживить и сдѣлать явственнѣе понятія сухія и темныя. Вообще онѣ употребляются въ описаніяхъ, страстнымъ же мѣстамъ не приличны и охлаждаютъ сочиненіе.

Мифологія была для древнихъ богатѣйшимъ хранилищемъ изящныхъ вымысловъ, они умѣли украшать сю произведенія свои; всѣ разительныя явленія природы, всѣ способности души, были у нихъ олицетворены. Минерва, на примѣръ, изображала у нихъ мудрость, Венера красоту, бунтующій океанъ гнѣвъ Нептуна, отголосокъ стонъ Нимфы, и проч.; словомъ все дышало у нихъ жизнею, все олицетворялось.

Нынѣ, когда языческія басни потеряли свою цѣну, мифологическіе вымы-

слы менѣе употребительны. Они не входятъ уже въ сочиненія важныя, особливо когда сіи имѣютъ предметомъ своимъ что-либо священное; смѣшеніе языческихъ заблужденій съ предметами благочестія столько же странно, сколь и предосудительно, въ иносказательныхъ же и шуточныхъ произведеніяхъ сіе и нынѣ позволяется. Такимъ образомъ описано на примѣръ Богдановичемъ всѣмъ извѣстное путешествіе Венеры.

Обратимся къ вымыслу. Величайшее искусство при употребленіи вымысла состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать его *правдоподобнымъ*, проистекающимъ изъ самой природы и ненарушающимъ обыкновеннаго порядка вещей.

Поэтъ употребляетъ вымыслъ не для того, дабы играть только воображеніемъ читателя, но дабы убѣдить насъ, а сего не можетъ достигнуть *безъ правдоподобія*; ибо то, чему мы не вѣ-

римъ, никогда не тронетъ насъ. Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобы не говорить ничего удаленнаго отъ истины и несходнаго съ принятымъ мнѣніемъ. Прекраснѣйшее стихотвореніе безъ правдоподобія тоже что превосходной кисти портретъ безъ сходства.

Самое чудесное должно быть правдоподобно и сходно съ разсудкомъ, въ противномъ случаѣ оно не сдѣлаетъ на насъ надлежащаго впечатлѣнія.

Rien n'est beau que le vrai; le vrai seul est aimable
Il doit regner par tout et mème dans la fable.

Посему-то сочинитель долженъ избѣгать понятій странныхъ, уродливыхъ, которыя одинъ только недостатокъ хорошаго вкуса можетъ щитать чудеснымъ, въ самомъ же дѣлѣ онѣ будутъ нелѣпости.

Мы привыкли оцѣнять вещи по сравненію; и потому, когда стихотворецъ

изображаетъ намъ предметы извѣстные, тогда мы повѣряемъ ихъ съ природою, изъ которой онъ заимствуетъ образцы; но когда изображенія его не имѣютъ въ природѣ подлинника, тогда мы повѣряемъ ихъ съ нашимъ идеаломъ.

И такъ, стихотворецъ въ первомъ случаѣ сохранитъ правдоподобіе, когда 1) изобразитъ разныя дѣйствія и явленія природы согласно съ ея намѣреніемъ и законами. 2) Когда дастъ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ нравы и характеры приличные ихъ полу, возрасту, званію и положенію. 3) Когда извѣстные народы и лица изобразитъ согласно съ понятіями, которыя сохранились объ нихъ въ Исторіи и преданіяхъ. Впрочемъ, онъ не обязанъ слѣдовать исторической истинѣ; изображая изящное, онъ можетъ вымышлять и по волѣ измѣнять нѣкоторыя историческія черты, однакоже такъ, чтобы произведеніе всегда было цѣлое,

единообразное и правдоподобное. Во второмъ случаѣ, то есть, когда стихотворецъ изображаетъ предметы, не имѣющіе въ природѣ образца, онъ сохранитъ правдоподобіе, когда 1) будетъ слѣдовать связи нашихъ понятій; 2) соблюдетъ пропорцію и приличіе причинъ къ дѣйствію, частей между собою и въ отношеніи къ цѣлому.

Въ произведеніяхъ стихотворства бываетъ три рода правдоподобія; правдоподобіе *чувствованій*, правдоподобіе *познаній* и правдоподобіе *мнѣнія*.

Правдоподобіе чувствованій основывается на сходствѣ нравственныхъ поступковъ и чувствованій изображаемыхъ лицъ, со свойствомъ души нашей, которая въ различныхъ обстоятельствахъ, отъ различныхъ причинъ, различнымъ образомъ измѣняется; которой моральныя качества иногда проти-

ворѣчатъ другъ другу, иногда согласуются: правоподобіе сего рода повѣряемъ мы сердцемъ нашимъ. Въ драмматическихъ сочиненіяхъ съ особенною строгостію должно соблюдать оное. Зритель, поставляя себя на мѣсто дѣйствующаго лица, до тѣхъ поръ вѣритъ вымыслу, пока сочинитель не уклоняется отъ сего правдоподобія. Превосходный примѣръ сему можно видѣть въ Эдипѣ Озерова. Сочинитель весьма искусно въ различномъ положеніи измѣняетъ языкъ сего лица. — Эдипъ говоритъ съ Антигоной какъ несчастный съ единственнымъ своимъ утѣшеніемъ, съ Креономъ какъ Царь, помнящій прежнее величіе, съ Полеником какъ оскорбленный отецъ.

Случается, что сочинитель съ умысломъ поставляетъ дѣйствующее лице въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, дабы послѣ неожиданнымъ пе-

реворотомъ доставитъ удовольствіе; въ семъ случаѣ надобно быть крайне осторожнымъ, ибо читатель, хотя не можетъ опредѣлить средствъ, уничтожающихъ запрудненія, но всегда сличаетъ ихъ съ природою и оскорбляется, естьли онѣ ей противорѣчатъ.

Правдоподобіе познаній состоитъ въ согласіи чувственныхъ вещей между собою и приличіи общихъ и частныхъ свойствъ ихъ роду и виду, и наконецъ, въ согласіи явленій ихъ съ порядкомъ природы, составленномъ въ нашихъ мысляхъ. Сіе правдоподобіе повѣряемъ мы разумомъ, и чѣмъ болѣе вымыслъ удаляется сего правдоподобія, тѣмъ менѣе нравится. Весьма непріятно было бы видѣть напримѣръ въ какой нибудь баснѣ ворону, уносящую ягненка.

Правдоподобіе мнѣнія состоитъ въ согласіи изображаемаго предмета или

дѣйствія со всеобщею молвою или преданіемъ. Мы не вѣримъ духамъ, и привидѣніямъ, но любимъ смотрѣть волшебныя оперы и съ удовольствіемъ читаемъ многія баллады. Не вѣримъ баснѣ о Адонисѣ, но готовы пролить слезы вмѣстѣ съ Венерою, естьли горести ее изображены съ искуствомъ. Древность для насъ священна; очевидную ложь, существующую нѣсколько вѣковъ, оставляемъ мы безъ изслѣдованія, какъ бы боясь недовѣріемъ къ ней, оскорбить тѣни добродушныхъ праотцовъ нашихъ. Естьли къ древности мнѣнія присоединится еще свидѣтельство Исторіи, тогда Поэтъ безъ всякаго затрудненія достигаетъ правдоподобія.

Не должно однакоже смѣшивать Исторіи съ преданіемъ, сіе будучи, такъ сказать, отголоскомъ многихъ столѣтій, освященныхъ его собою, достаточно для піитическаго правдоподобія; Исторія же

напротивъ, будучи часто безмолвнымъ свидѣтелемъ, не можетъ произвесть сего дѣйствія, естьли предметъ не заключаетъ самъ въ себѣ правдоподобія. Потому все, входящее въ составъ описываемаго предмета должно быть само по себѣ правдоподобно; и только дѣйствія, внѣ изображаемаго предмета (extra fabula) совершающіяся, могутъ быть основаны на мнѣніи; ибо о томъ что совершается предъ нашими глазами судимъ мы спроже, и оное потолику нравится намъ, поколику сообразно съ порядкомъ и средствами природы.

Правдоподобіе мнѣнія повѣряемъ молвой или преданіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О поэзіи слова.

Поэзія слова (poesis sermonis) въ произведеніяхъ литературы тоже, что колоритъ (разцвѣчиваніе) въ живописи.

Стихотворство есть плодъ восторга (страсти). Поэтъ, исполненный предметомъ своимъ, говоритъ какъ бы нѣкій пророкъ; мысли его сильны, чувствованія живы, языкъ необыкновенный. — Описываетъ ли онъ предметы нравственные, чувства и страсти, — каждая мысль, каждое слово напечатлѣвается въ сердце нашемъ. Я слышу, какъ онъ воспламенясь любовію къ славѣ Отечества, говоритъ:

Такъ, лучше умереть иль во все неродиться,
Чемъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,

Чемъ званьемъ данника корыстолюбью
льстишь!
Симъ средствомъ ли бѣды мы можемъ от-
вратить?
Кто платитъ дань тотъ слабъ; кто сла-
бый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призы-
ваетъ.

И слова сіи проникаютъ въ мою душу.

Описываетъ ли предметы вещественные, напримѣръ, водопадъ, — каждый куплетъ, каждый стихъ можно изобразить кистію, — я вижу какъ:

Алмазна сыплется гора,
Съ высотъ четыремя холмами,
Жемчугу бѣздна и сребра,
Кипитъ въ низу, бьетъ вверхъ буграми,
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ.

Лань идетъ робко чутъ ступаетъ,
Внявъ водъ его падущихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ.

Даже самые обыкновенные предметы изображаетъ онъ съ особенною какою-то прелестію и живостію. На примѣръ, вмѣсто того чтобы сказать: счастіе непостоянно, Поэтъ говоритъ:

Нельзя надѣяться на счастье какъ на стѣну;
Фортуна женщина, такъ любитъ перемѣну.

Сей-то способъ выражаться величественнѣе и цвѣтнѣе, нежели выражается прозаикъ, составляетъ стихотворный тонъ, *поэзію слова*.

Поэзія слова, какъ видно изъ самаго названія, зависитъ отъ словъ и оборотовъ употребляемыхъ сочинителемъ. Подлинно, отъ чего однимъ и тѣмъ же предметомъ, одинъ писатель восхищаетъ насъ, другой не дѣлаетъ никакого впечатлѣнія? Не отъ того ли, что первый выражается живо и ясно, другой сухо и темно. Первый отливаетъ, такъ сказать, мысли свои въ прелест-

ной формѣ; другой дѣлаетъ изъ нихъ грубой слѣпокъ.

Слова можно разсматривать двоякимъ образомъ: или какъ звуки, въ отношеніи ко слуху, или какъ знаки понятій, въ отношеніи къ разуму. Въ первомъ случаѣ достоинство ихъ неизмѣнное, общее, основанное на природѣ; во второмъ условное, частное, зависящее отъ свободнаго принятія ихъ обществомъ.

Стихотворецъ долженъ, въ отношеніи ко слуху, употреблять такія только слова, которыхъ звуки пріятны, или же, естьли можно такъ выразиться, которыя особеннымъ приличіемъ своимъ изображаемому предмету рисуютъ оный для слуха нашего (*). Въ отношеніи же къ разуму, онъ употребляетъ слова, ко-

(*) Я скажу о семъ подробнѣе, говоря о гармоніи.

торыя, кромѣ точности и ясности, каждую мысль, каждое впечатлѣніе предметовъ дѣлаютъ какъ бы вещественными и подлежащими чуствамъ (*). Онъ избѣгаетъ сколько возможно реченій техническихъ, изображающихъ понятія отвлеченныя, и употребляетъ такія, которыя живо и разительно представляютъ предметъ воображенію.

Къ сему роду словъ относятъ обыкновенно:

1). Слова заимствованныя изъ древнихъ языковъ, большею частію собственныя или сдѣлавшіяся такими чрезъ употребленіе, напримѣръ: *Мавзолей* вмѣсто гробница, *Геркулесъ* вмѣсто сильной человѣкъ, *Аргусъ* вмѣсто стражъ, и проч. Таковыя слова, будучи отпечат-

(*) Les discours les plus éloquens sont ceux où l'on enchâsse le plus d'images et les sons n'ont jamais plus d'energie que quand ils font l'effet de couleurs. I. I. Rousseau.

комъ древности, переселяютъ воображеніе читателя во времена отдаленныя, и по содружеству понятій, указывая длинную цѣпь произшествій, даютъ пищу его памяти и воображенію.— Однакоже надобно поступать съ ними весьма осторожно и употреблять такія только, которыя есть ли не всѣмъ, то по краней мѣрѣ людямъ, которыхъ сочинитель предполагаетъ своими читателями,—были извѣстны, иначе онъ оскорбитъ самолюбіе наше и потемняя смыслъ сочиненія, не только не сдѣлаетъ красоты, но еще произведетъ недостатки.

2). Слова, вышедшія изъ употребленія, но заключающія въ себѣ особенную силу, рѣзкость или живость изображеній, — напримѣръ:

Лѣторосль его *необлиственѣетъ.*

3). Сложныя напримѣръ

Стальночешуйчатый, крылатый,

Серпокохтистый, двурогатый;

и 4). Новыя, напримѣръ:

Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Чешуятся рѣки златомъ.

Относительно сложныхъ словъ должно остерегаться, чтобы они не заключали подъ собою понятій, одно другому противорѣчащихъ, или не могущихъ слиться вмѣстѣ; на примѣръ *свѣтло-прелестный взоръ*. Относительно же новыхъ наблюдать, чтобы они составлены были по аналогіи языка. Наконецъ первыя употреблять тогда только, когда онѣ возбуждаютъ изображаемыя ими понятія скорѣе и живѣе, нежели проспыя ихъ порознь; вторыя же, когда въ языкѣ нѣтъ извѣстнаго уже слова для выраженія той мысли.

Пріятность, красота слога зависятъ еще весьма много отъ оборотовъ, употребляемыхъ сочинителемъ, то есть, отъ соединенія словъ въ выраженія (фразы) — Главное достоинство оборо-

повъ, въ стихахъ равно и въ прозѣ, состоитъ въ ясности, краткости и естественности или легкости оныхъ; говоря однакоже объ одних ошибкахъ стихотворства отъ прозы, я не коснусь упомянутыхъ достоинствъ, а скажу только нѣсколько словъ о стихотворной вольности, не нарушающей сихъ достоинствъ и позволительной поэту, какъ человѣку, говорящему въ восторгѣ, а не какъ писателю связанному мѣрою и рифмами (*).

Многіе, и весьма справедливо, возстаютъ противу пінтической вольности.

(*) Рифма есть сходство звуковъ конечнаго слова одного стиха съ конечнымъ словомъ другаго. Рифмы раздѣляются на богатыя и убогія, мужескія и женскія. Богатая рифма состоитъ въ большомъ созвучіи, на прим. очами, лучами; убогая въ маломъ на прим. твердъ, слѣдъ. Женская, которая оканчивается коротким, а мужеская, долгимъ слогомъ

Нѣтъ, говорятъ они, и не должно быть оной; малѣйшее нарушеніе правилъ языка есть уже величайшій недостатокъ сочиненія. Грамматика для словесности есть тоже, что рисовка для живописи, безъ которой ни искусное смѣшеніе красокъ, ни удачное положеніе свѣта и тѣни, ни счастливый выборъ предмета не могутъ сдѣлать картины не только изящною, но даже сносною. Подлинно возраженія сіи весьма справедливы, естьли судить о стихотворной вольности по тѣмъ писателямъ, которые безъ милосердія ломаютъ языкъ въ угодность стопѣ и рифмѣ; но истинно піитическая вольность есть не свобода, но болѣе необходимость писателя выражаться особеннымъ образомъ, приличнымъ человѣку, говорящему въ восторгѣ или страсти; оная свойствена также и прозаику, ибо и сей можетъ находиться въ восторгѣ, названа же піитическою вольностію вѣроятно пото-

му, что отлична отъ обыкновеннаго способа выражаться и что чаще встрѣчается у поэтовъ нежели у прозаиковъ.

Сія пінтическая вольность состоитъ иногда въ нѣкоторой перестановкѣ словъ, напр.

Остановитесь!

Ахилла чтите гробъ, и надъ моей главой,
О Греки яростны, вы гнѣвъ обруште свой!

Обыкновенной порядокъ пребовалъ бы сказать такъ: остановитесь яростные Греки! чтите гробъ Ахилла и надъ моей главою обруште гнѣвъ свой! но Поетъ ставитъ слова въ такомъ порядкѣ, въ какомъ понятія, ими изображаемыя, поразили его.

Иногда, въ выпущеніи нѣкоторыхъ словъ, нужныхъ Граммапикѣ, безъ которыхъ однакоже смыслъ не сдѣлается обоюднымъ или темнымъ напр.

Гдѣ ступитъ — радуги играютъ.

Наконецъ въ прибавкѣ такихъ, безъ которыхъ Грамматика можетъ обойтиться, напр.

Я зрѣлъ тебя, я зрѣлъ моими, тигръ! глазами,
Вотъ этими, злодѣй! что на тебя гляжу.

Кромѣ сихъ вольностей Поэтъ пользуется также всѣми украшеніями слова, извѣстными подъ именемъ общихъ, (каковы суть: тропы, фигуры словъ и фигуры предложеній) и о которыхъ можно читать во всякой Риторикѣ.

Удачный выборъ словъ и оборотовъ недостаточенъ однакоже для того, чтобы сдѣлать языкъ стихотворца совершеннымъ, достойнымъ изображаемаго имъ изящества, достойнымъ всего высокаго, всего прекраснаго, всего милаго, — для сего необходима еще гармонія.

Гармонія, вообще, есть стройность или согласіе частей между собою и въ

отношеніи къ цѣлому; гармонія же слога, есть искуспво изъясняпься тономъ, соотвѣтственнымъ роду сочиненія, располагать слова образомъ, пріятнымъ слуху и приличнѣйшимъ предмету.

Изъ сего видно, что въ словесности могутъ быть три рода гармоніи.

1). *Гармонія тона сочиненія*, состоящая въ приличіи слога роду сочиненія, опредѣляетъ Пастушескимъ спихотвореніямъ слогъ простой и нѣжной; Лирическимъ пламенный и быспрый, нерѣдко сопряженный какъ бы съ нѣкоторымъ безпорядкомъ; Эпическимъ возвышенный и сильный, исполненный богатствомъ мыслей, разительными описаніями и блестящими вымыслами; Драмматическимъ живой, страсной, но естественный, плѣняющій въ трагедіи силою чувствъ и мыслей, въ комедіи остроною и тонкостію оныхъ.

Недостатокъ гармоніи сего рода весьма замѣненъ и дѣлаетъ сочиненіе нѣкоторымъ родомъ пародіи.

Въ сей гармоніи не мало также участвуетъ, говоритъ Блеръ, теченіе звука по содержанію избраннаго предмета; подлинно періоды, сложенные съ Цицероновской и Ломоносовской полнотою — въ продолженіе которыхъ звуки какъ бы постепенно восходятъ выше и выше — даютъ слогу особенную какую-то важность и торжественность. Напротивъ краткость періодовъ дѣлаетъ слогъ живымъ и сильнымъ. Первое полезно въ описаніяхъ покойнаго состоянія предметовъ; второе въ изображеніи страстей и быстрыхъ движеній.

2). Другой родъ гармоніи есть собственно *гармонія звуковъ*, или лучше сказать *мелодія*, состоящая въ пріятномъ послѣдованіи тоновъ или звуковъ. Она

зависитъ частію отъ выбора мѣръ(*)— состоящихъ въ опредѣленномъ послѣдованіи короткихъ и долгихъ слоговъ — болѣе же, отъ расположенія словъ какъ въ выраженіи, такъ равно и въ цѣломъ

(*) Извѣстнѣйшія мѣры или стопы, изъ которыхъ составляются стихи суть слѣдующія:

1). Изъ двухъ слоговъ:

Пиррихій (⏑ ⏑) состоящій изъ двухъ короткихъ; *Ямбъ* (⏑ —) изъ короткаго и долгаго; *Хорей* (— ⏑) изъ долгаго и короткаго; *Спондей* (— —) изъ двухъ долгихъ.

2). Изъ трехъ слоговъ:

Трибрахій (⏑ ⏑ ⏑) состоящій изъ трехъ короткихъ; *Анапестъ* (⏑ ⏑ —) изъ двухъ короткихъ и долгаго; *Дактиль* (— ⏑ ⏑) изъ долгаго и двухъ короткихъ; *Амфибрахій*, (⏑ — ⏑) изъ долгаго между двухъ короткихъ; *Критская стопа* (— ⏑ —) изъ короткаго между двухъ долгихъ; *Вакхій* (— — ⏑) изъ двухъ долгихъ и коропкаго; *Иновакхій* (⏑ — —) изъ короткаго и двухъ долгихъ; *Моллосъ* (— — —) изъ прехъ долгихъ.

періодѣ. Касательно первыхъ ничего не льзя сказать положительнаго, не возможно опредѣлить, какой порядокъ въ по-

---

3). Изъ четырехъ слоговъ:

Всѣ Пеоны: *Пеонъ первый* (— ◡ ◡ ◡) состоящій изъ долгаго и трехъ коротких; *Пеонъ вторый* (◡ — ◡ ◡) изъ короткаго, долгаго и двухъ короткихъ; *Пеонъ третій* (◡ ◡ — ◡) изъ двухъ короткихъ, долгаго и коротkаго; *Пеонъ четвертый* (◡ ◡ ◡ —) изъ трехъ короткихъ и долгаго.

Стопы, оканчивающіяся короткими слогами, называются женскими, оканчающіяся долгимъ слогомъ мужескими.

Кромѣ Спондея, Вакхія, Иновакхія и Моллоса, всѣ прочія стопы свойственны нашему стихосложенію.

Отъ рода стопъ и стихи получаютъ свое названіе, какъ-то: Ямбическіе, Хореическіе, Анапестo-ямбическіе и проч. иногда же называются они по числу стопъ, или по слогамъ напр. четыре-стопные или изъ восьми слоговъ, двустопные или изъ четырехъ слоговъ и проч. или наконецъ по окончательному слогу мужескими и женскими.

слѣдованіи звуковъ вообще пріятнѣе слуху, ибо каждый языкъ имѣетъ свои особенности. Спондей, на примѣръ, въ языкѣ нашемъ испріятенъ, у Грековъ же и Римлянъ составлялъ красоту, по той же самой причинѣ, по которой Нѣмецкая музыка не нравится Турку, а Турецкая Итальянцу. — Но что касается до расположенія словъ, то оное тѣмъ лучше, чемъ слова произносятся легче и звуками своими образуютъ для слуха какъ бы нѣкоторую музыку.

Недостатокъ сей гармоніи причиною того, что стихи бываютъ грубы, шероховаты и непріятны слуху. Впрочемъ непріятность сія происходитъ не отъ природной, такъ сказать, грубости или шероховатости звуковъ; но отъ того, что слухъ не можетъ съ легкостію и во всей чистотѣ принять оныхъ, и еще — какъ заключаетъ Мармонтель — отъ затрудненія въ произношеніи, которое

тяготитъ самыхъ слушателей (*). А сіе произходитъ иногда отъ стеченія длинныхъ словъ, затрудняющихъ дыханіе, а иногда отъ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ буквъ сряду; ибо сіи, какъ бы искусно и скоро ни были соединяемы въ произношеніи, всегда между собою различествуютъ и останавливаютъ слухъ, между тѣмъ какъ достоинство расположенія ихъ состоитъ въ томъ, чтобы онѣ сливались и составляли какъ бы одинъ звукъ, различно измѣняемой въ своемъ продолженіи.

Непріятно также для слуха частое повтореніе одной буквы, равно какъ и послѣдованіе нѣсколькихъ гласныхъ сря-

---

(*) Въ языкѣ нашемъ, и напримѣръ, переходъ отъ *С.* къ *М.* удобенъ, напр. смиреніе отъ *С.* къ *Ж.* непріятенъ, напр. сжимать, но отъ *Ж.* и *М.* къ *С.* вовсе не возможенъ, и нѣтъ слова, которое начиналось бы сими буквами, непосредственно слѣдующими одна за другою.

ду, производящихъ пустоту и вялость слога (hiatus).

Языки — говоритъ Баттe — которыхъ слова исполненны гласными буквами, способнѣе къ выраженію нѣжности, исполненные же согласными къ выраженію чего-либо важнаго (*).

(*) Мы не можемъ жаловаться на недостатокъ въ томъ или другомъ; какіе стихи нѣжнѣе и текучѣе слѣдующихъ:

Ты душа моя,
Красна дѣвица!
Моя прежняя
Полюбовница.
Не сиди, мой свѣтъ,
Поздо вечеромъ,
Ты не жги свѣчи
Воску ярова,
Ты не жди меня
До бѣла свѣта!

Каждый изъ сихъ стиховъ имѣетъ столько почти гласныхъ сколько согласныхъ, и только два слова оканчиваются согласными. Напротивъ, что мо-

Вообще гармонія звука (numerus) зависитъ отъ чистоты и разнообразія онаго. Посему-то опытные литераторы совѣтуютъ стараться о благозвучномъ смѣшеніи согласныхъ буквъ съ гласными, для взаимнаго ихъ подкрѣпленія; о соразмѣрномъ смѣшеніи острыхъ удареній съ тяжелыми и короткихъ слоговъ съ длинными, дабы избѣжать не-

---

жетъ быть важнѣе звуковъ слѣдующихъ стиховъ, изображающихъ хаосъ:

Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борбѣ,
Межъ собой внутрь, извнѣ, безпрестанно сражались,
И лишь тѣмъ они жизнь ощущали въ себѣ,
Что тамъ блескъ, а тамъ трескъ, а тамъ громъ прерывались.
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, близь и даль оглушали.
Бездны безднъ, хляби хлябъ, колебавъ въ тишинѣ,
Безъ устройствъ естества, ужасъ, мракъ, представляли.

пропорціональнаго положенія удареній и перерывистаго паденія стопъ, оканчивающихся каждымъ словомъ. Наконецъ, о положеніи цезуръ (*) въ надлежащихъ мѣстахъ, то есть такъ, чтобы они служа отдохновеніемъ, разрѣзывали стихъ не потемняя его смысла.

Правила сіи нарушаются иногда съ умысломъ, что мы сей часъ увидимъ.

3). Третій родъ гармоніи есть, такъ называемая, *подражательная гармонія.*

(*) Цезура (hémistiche), служащая какъ бы отдохновеніемъ читающему, употребляется только въ длинныхъ стихахъ. Въ нынѣшнемъ нашемъ стихосложеніи, полагаютъ ее въ шестистопныхъ стихахъ, на третей стопѣ, на примѣръ,

Хотя я въ нищитѣ,|| но несравнюсь съ Креономъ,
Я былъ Царемъ, || ты жъ только ползаешь предъ трономъ.
Авъ пяти стопныхъ навпорой на прим.
Невидимо || мелькаютъ щастья дни.

Стихотворецъ, кромѣ плавности и общей соотвѣтственности слога къ мыслямъ, старается иногда, такъ сказать, оттѣнить нѣкоторыя предметы, то есть, представить ихъ разительнѣе, посредствомъ приличныхъ имъ звуковъ и мѣръ стиха, прибавляющихъ какую-то особенную рѣзкость выраженіямъ.

Предметы, способные къ подражательной гармоніи суть: a) звуки, b) движенія и c) страсти.

Подражаніе звукамъ, есть первый и самый легкій родъ подражательной гармоніи. Онъ зависитъ собственно отъ свойствъ каждаго языка и потому разсмотримъ его въ примѣненіи къ нашему.

Во всякомъ языкѣ есть много словъ, которыя носятъ на себѣ какъ бы отпечатокъ природы, таковы на примѣръ *свистъ* вѣтра, *трескъ* оружія *шипѣніе* змѣи и пр.

которыхъ самые звуки представляютъ поняшія со словами соединяемыя (*).

Звуки въ словѣ изображаются буквами. *Гласныя* представляютъ простой, общій тонъ или голосъ, *согласныя* суть измѣненія онаго или собственно звуки. Звукоподражаніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, зависитъ столько отъ первыхъ сколько и отъ послѣднихъ (**); но сіе несправедливо. Гласныя, подобно маслу или водѣ въ живописѣ, составляютъ только средство; согласныя же, подобно краскамъ, самое вещество или матерію изображающую. Дабы доказать спра-

---

(*) Звуки, во многихъ отношеніяхъ, имѣютъ нѣкоторую внутреннюю соотвѣтственность съ нашими поняшіями, которая бываетъ частію естественна, частію же чрезъ искуственное сопряженіе идей возбуждается. *Блеръ.*

(**) Они увѣряютъ, что *Е* способно къ выраженію величія, *О* силы, *А* пріятности, *И* нѣжности и пр.

ведливость сего, стоитъ только въ какомъ нибудь звуко-подражательномъ словѣ, на примѣръ *грохотать*, замѣнить согласныя буквы онаго другими согласными же и мы увидимъ, что звукоподраніе тотчасъ изчезнетъ, напротивъ оставивъ сіи и замѣнивъ гласныя другими гласными же увидимъ, что оное удержитъ характеристику звукоподражанія. — Словомъ, гласныя помогаютъ звуко-подражанію, но несоставляютъ матеріи онаго.

Филологи, разсматривая буквы языка нашего находятъ:

a) Что гласныя А, О, У, І, придаютъ полноту согласнымъ; Ѣ, Я, І̂О, ІО, умягчаютъ оныя.

b). Что согласныя С, З, Х, Ч, Ц, Ш, Щ и дрожащее Р, имѣютъ произношеніе звонкое, рѣзкое и спремительь-

ное, на примѣръ,

Урча и клокоща со щеглой поглощаетъ.

или

Грохочетъ эхо по горамъ
Какъ громъ гремящій по громамъ.

c). Буквы Н, Л, В, Ж, М, имѣютъ произношеніе нѣжное и плавное, равно какъ и безгласное *Ъ* упончающее согласныя на примѣръ,

Въ люлькѣ малютку лилѣя,
Нянюшки пѣли,— баю.

d). Буквы К, П, Т, Б, Г, Д, имѣютъ, и особливо три первыя — произношеніе тупое и сливаясь съ другими какъ бы оглушаютъ ихъ звуки, на примѣръ,

Отъ топота копытъ пыль по полю несется.

Искусный стихотворецъ сіе знаніе свойства буквъ употребляетъ въ свою пользу. Такимъ образомъ, Державинъ, описывая сельскія картины и занятія, прекрасно изображаетъ оныя посред-

сповомъ подражательной гармоніи, вотъ его слова:

Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучей,
Шумъ сноповъ, бѣгъ телегъ, оси скрипучи
Стукъ цѣповъ по токалъ, въ рощахъ лай псовъ,
Слухъ мой плѣнитъ.

Въ прочемъ, сего рода гармонія тогда только хороша, когда приходитъ, такъ сказать, сама собою; она есть, кажется, необходимое слѣдствіе точнаго употребленія словъ.

Собственно звуко-подражаніе зависитъ, какъ я сказалъ выше, отъ однихъ звуковъ; подражаніе же движенію предметовъ, зависитъ, сколько отъ звуковъ, столькоже, а можетъ быть и болѣе, отъ мѣръ стиха. — Сродство, находящееся въ нашемъ воображеніи, между звуками словъ, мѣрою оныхъ и движеніемъ предметовъ; доказываетъ намъ связь пляски съ музыкою; — невозможно подъ томныя и протяжныя пѣсни

совершать скорыхъ движеній, равно какъ подъ рѣзвую и бѣглую пляску выступать медленно; а изъ сего видно, что спихотворецъ, по средствомъ звуковъ и мѣръ, соотвѣтствующихъ движенію, можетъ — подобно музыканту, употребляющему тѣже средства — возбудить въ насъ понятіе о томъ измѣненіи предмета, которое онъ изобразить желаетъ.

Разсматривая стопы или метры спиховъ, въ отношеніи къ сему, находимъ:

а). Что въ языкѣ нашемъ стопы, состоящія болѣе изъ коротких слоговъ и слѣдовательно длинныхъ словъ, способны къ изображенію мѣдленности и нѣкоей плавности или ровности движеній. На примѣръ,

Ужъ ѣдетъ онъ дней нѣсколько трудною дорогой,
Проѣзжаетъ степи дикія и пѣски сыпучія,

Или слѣдующія ямбическія стихи изобилующіе Пиррихіемъ:

Въ Іюлѣ, въ самой зной, въ полуденную пору,
Сыпучими пѣсками, въ гору,
Съ поклажей и семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.

Впрочемъ здѣсь къ изображенію медленности помогаетъ также расположеніе самаго періода.

b). Что послѣдованіе коротких словъ, и слѣдовательно большое число долгихъ слоговъ, рождаетъ понятіе быстраго, ровнаго и какъ бы опрывистаго движенія. На примѣръ,

Бурный бѣжитъ по полямъ поражая копытами землю.

Вотъ еще нѣсколько стиховъ, заключающихъ прекраснѣйшій примѣръ подражанія движенію того и другаго рода.

Быть можетъ что имой кумиръ,
Черезъ рѣшетки золотыя,
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ;
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени
И скатится въ прохладны тѣни.

Читая четвертый и пятый стихи, я слышу кажется стукъ бюста по ступенямъ, и мѣдленную каткость его по равнинѣ.

Третій родъ предметовъ, которые можно опитѣнять по средствомъ подражательной гармоніи, состоитъ въ измѣненіяхъ духа нашаго. — Чтобы увѣриться въ сродствѣ, находящемся въ воображеніи нашемъ, между звуками словъ, мѣрою оныхъ и духа нашего измѣненіями, стоитъ только вспомнить по дѣйствіе музыки, которое конечно каждый испыталъ надъ собою. А естьли музыкантъ, силою искуства своего, можетъ извлекать слезы, рождать улыбку, возбуждать мужество, повергать въ

уныніе, словомъ располагать душу и сердце къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя изобразить желаетъ; то несправедливо лишить удобности сей стихотворца, употребляющаго къ сему, какъ я выше замѣтилъ, тѣже средства то есть, звуки и мѣру.

Извѣстно, что въ природѣ не только каждая страсть, но даже каждое необыкновенное расположеніе души, имѣетъ, такъ сказать, собственный тонъ голоса и образъ выраженія. Уныніе на примѣръ, говоритъ слабо и мѣдленно, посему и стихи, изображающіе чувство сіе, соединяются съ протяжными мѣрами и длинными словами на примѣръ,

Вылетала бѣдна птичка на долину,
Выроняла сизы перья на долинѣ,
Быстрый вѣтеръ ихъ разноситъ по дубравѣ,
Слабый голосъ раздается по пустынѣ.

Нескликай, унила пичка! Бѣдныхъ пта-
шекъ,
Нескликай ты родныхъ дѣтокъ по напра-
сну,
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы,
И гнѣздо твое разсѣянно подъ дубомъ!

Радость жива, весела и шумна, а посему и стихи, изображающія оную, состоятъ изъ мѣръ большею частію короткихъ, и словъ звучныхъ, на примѣръ,

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него худо съ умомъ,
Счастье ѣздитъ и въ каретѣ,
А съ умомъ идетъ пѣшкомъ.

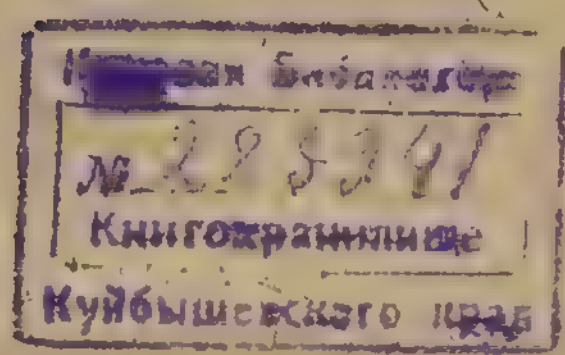
Впрочемъ вообще замѣчено, что въ разсказѣ, подражательная гармонія зависитъ болѣе отъ выбора звуковъ и мѣръ стиха, которые дѣлаютъ описаніе какъ бы живымъ и движущимся; въ изображеніи же страстей сколько отъ сего, столько и отъ искуснаго располо-

женія періодовъ, ихъ краткости и неожиданныхъ пресѣченій. Примѣры перваго можно читать въ Эпическихъ, втораго въ Драммапическихъ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей.

Изъ всего, доселѣ сказаннаго видно, что поэзія вещей или предметовъ и поэзія слова, заключаютъ въ себѣ общія правила стихотворства или главныя законы онаго, повелѣвающіе поэту быть разнообразнымъ и живымъ въ описаніяхъ предметовъ вещественныхъ; сильнымъ и пламеннымъ въ изображеніи страстей. — Представлять малѣйшія вещи съ пріятностію и остротою, величественныя съ благородствомъ и нѣкоторой приличною простотою. Повторимъ еще разъ, стихотворство есть, такъ сказать, живопись и музыка слитыя въ словѣ, и потому, каждый періодъ, каждый стихъ, услаждая гармоніею слухъ, долженъ поражать воображеніе — живо-

стію описаній; сердце — силою чувствъ; разумъ — важностію и богатствомъ мыслей.

Конецъ.


№ 223341
Книгохранилище
Куйбышевского края

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе I.

Опредѣленіе и сущность стихотворства 1

Происхожденіе Поэзіи и Стихосложенія и претерпѣнныя ими измѣненія. 2

Цѣль стихотворства, ... 12

Раздѣленіе его. 14

Происхожденіе науки стихотворства, и раздѣленіе оной 15

Отдѣленіе II.

О Поэзіи вещей или предметовъ . . 17

Что можетъ быть предметомъ стихотворства 18

Сколькихъ родовъ изящное бываетъ въ стихотворствѣ 23

О вымыслахъ 26

О чудесномъ 32

О правдаподобіи 36

Отдѣленіе III.

О поэзіи слова 44

Что долженъ наблюдать стихотворецъ въ отношеніи къ

a). Словамъ, ... 47

b). Оборотамъ. 50

Что долженъ наблюдать стихотворецъ въ отношеніи

a). къ гармоніи тона; 55

b). къ мелодіи или гармоніи звуковъ 56

c). къ гармоніи подражательной. 63

2р 50к